

Анастасия Ат

В ночи

Анастасия Ат

В ночи

<https://litres.ru/74305017>

SelfPub; 2026

Аннотация

Граф Торнхилл возвращается в родовое поместье. Его жена молчалива и отчуждена. Его дочь Агнет не показывается на глаза. По ночам в коридорах слышны шаги, а в лесу за домом кто-то встречается с таинственным женихом. Граф знает правду. Но молчит. Потому что правда хуже любого безумия. Психологический триллер, в котором каждое следующее откровение переворачивает предыдущее. «В ночи» — это история о любви, смерти и о том, как далеко человек готов зайти, чтобы не остаться одному.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анастасия Ат

В ночи

Глава

В ночи

Содержание

Часть первая. 2

Часть вторая 12

Часть третья 21

Часть четвертая 29

Часть первая.

-1-

Ранней весной 1873 года в графство Мидлшир въехала карета. Вернулись хозяева поместья Торнхилл, пустовавшие до этого пятнадцать лет. Эти годы семья провела во Франции, где у графини жила большая часть родственников.

Граф Торнхилл смотрел в окно на проплывающие мимо поля и не узнавал их. Пятнадцать лет – достаточный срок, чтобы даже родная земля стала чужой.

Напротив него сидела жена. Она тоже смотрела в окно, но на свою сторону, и за всю дорогу они почти не переговаривались. Граф чувствовал, что между ними повисло что-то

невыносимое, без имени. Не ссора. Не обида. Что-то более тягучее и вязкое, как смола.

Он ждал подходящего момента, чтобы спросить. Может быть, если он спросит, она вспомнит и перестанет делать то, что делала по ночам. И когда карета замедлила ход на въезде в знакомую деревню, решился.

– Где Агнет? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Почему она не с нами?

Графиня не повернула головы.

– В карете со слугами. Думаю, ей там будет лучше.

– Но Агнет уже почти двадцать. Она достаточно взрослая, чтобы...

– Агнет еще недостаточно взрослая.

Теперь она посмотрела на него. Граф знал этот взгляд. В ее глазах всегда было то, что заставляло его замолкать. Она была красивой женщиной, хотя ей и было уже почти сорок: длинные черные волосы, уложенные сейчас в модную прическу, карие глаза, правильные черты лица. Совершенно не англичанка, скорее, в ней было что-то испанское. Любой, кто смотрел на нее, обязательно задерживал взгляд. Однако... Порой в глазах графини проскальзывало что-то отталкивающее. Какая-то насмешка или вызов, прямо как сейчас. В такие моменты ее не следовало злить. Граф, конечно, знал это, потому и промолчал.

Агнет назвали в честь французской бабушки. Она была очень похожа на мать. Тот же разрез глаз, та же испанская

порода в лице. В детстве их часто путали на портретах – дочь выглядела уменьшенной копией матери, за исключением волос – в отличие от графини, ее дочь была светловолосой. Граф иногда ловил себя на мысли, что смотрит на жену, а видит дочь. Или наоборот. Сейчас эта мысль показалась ему неуютной, и он отогнал ее.

Он отвел взгляд к окну. И вдруг вспомнил, как в детстве Агнет наотрез отказалась ехать в Лондон на рождественскую ярмарку. Ей было, кажется, шесть лет. Она сложила руки на груди и заявила: «Я не хочу смотреть на чужих людей. У нас дома лучше». Она была упряма уже тогда. Граф улыбнулся этому воспоминанию.

– Ты улыбаешься, – заметила графиня.

– Ничего. Вспомнил кое-что.

Он взглянул на жену. Она снова отвернулась к окну, и в профиль ее лицо казалось отчужденным, почти каменным. Когда-то он считал ее самой красивой женщиной в Англии. Сейчас он уже не был в этом так уверен. Ее черты как будто изменились, заострились после того, как... Но ему не хотелось это вспоминать.

Граф потер переносицу. В висках стучало. Дорога выматала его больше, чем он ожидал. В карете пахло кожей и лошадьми, но ему вдруг почудился другой запах – резкий, химический. Он помотал головой. Наверное, просто усталость.

Вдалеке показались очертания поместья.

– Мы почти приехали, – сказала графиня.

В ее голосе не было радости. Граф снова взглянул на нее, пытаясь уловить хоть что-то, но ее лицо оставалось непроницаемым.

Карета свернула на подъездную аллею. Граф почувствовал, как внутри поднимается тупая, необъяснимая тревога. Ему захотелось сказать кучеру: «Разворачивайся. Мы не должны здесь быть».

Но он не сказал.

Он никогда не говорил того, что действительно хотел.

-2-

Карета свернула на подъездную аллею. Граф узнал старые липы – они разрослись, стали выше, но все так же склонялись над дорогой, смыкаясь в зеленый тоннель. В конце тоннеля показался дом. Возле него уже стояла другая карета, со слугами. Каким-то образом им удалось обогнать экипаж графа и графини.

Поместье выглядело тщательно подготовленным к встрече хозяев. Окна были вымыты, дверь распахнута настежь, на ступенях выстроилась прислуга. Смит, управляющий, стоял впереди всех, выпрямившись и стараясь выглядеть спокойным. Граф заметил, как Смит нервно тербит край сюртука, и подумал, что у управляющего наверняка есть причины для беспокойства. Но сейчас его это не заботило.

Карета остановилась. Лакей открыл дверцу.

Граф вышел первым и обернулся, чтобы подать руку жене. Графиня приняла его руку, но не оперлась на нее – про-

сто коснулась и тут же отпустила, ступая на землю самостоятельно. Она окинула взглядом дом, слуг, небо – равнодушно, как будто все это ее не касалось.

– Милорд, миледи, – дворецкий низко поклонился. – Добро пожаловать домой.

Графиня не ответила. Она прошла мимо него, даже не взглянув, и скрылась в дверях.

– Милорд, – Смит подошел ближе, понижая голос. – Ваши комнаты готовы. Багаж сейчас внесут. Экономка распорядилась подать обед через час.

– Благодарю, Смит.

Граф двинулся к дверям. По пути он заметил, что слуги расступаются перед ним, но никто не смотрит в сторону двери, за которой только что скрылась графиня. Горничная, молодая девушка с веснушчатым лицом, отвела взгляд, когда граф проходил мимо. Лакей замер, глядя себе под ноги.

Он вошел в холл. Внутри пахло воском и старым деревом – запахом, который он помнил с детства. Все было на своих местах: лестница с дубовыми перилами, портреты предков на стенах, старые часы в углу. Только теперь это казалось не домом, а декорацией. Чужой декорацией, в которой ему предстояло жить.

Но одна вещь все же изменилась. В доме не было зеркал.

Граф поднялся на второй этаж. В коридоре он столкнулся с экономкой, миссис Бейкер. Она была старой женщиной, которая помнила его еще мальчиком. Она поклонилась, но,

когда выпрямилась, он заметил, что ее глаза смотрят куда-то мимо его плеча – на закрытую дверь спальни графини.

– Миссис Бейкер, – сказал граф. – Вы давно здесь служите.

– Тридцать два года, милорд.

– И вы помните мою жену, когда она только приехала в этот дом.

– Помню, милорд. – Экономка помолчала, потом добавила, не поднимая глаз: – Миледи сильно изменилась.

Граф кивнул. Затем, помедлив, спросил:

– Миссис Бейкер, почему в доме нет зеркал?

– Слуги боятся, милорд, – сказала экономка. – Говорят, раньше в них призраки являлись, вот и убрали. Но если ваша светлость желают...

Граф отмахнулся. Может быть, слуги правы.

– Не стоит, оставьте всё, как есть.

Она еще раз поклонилась и быстро пошла по коридору, не оглядываясь.

Граф остался один. Он подошел к двери спальни графини, поднял руку, чтобы постучать, но так и не коснулся дерева. Весь последний год у них были отдельные комнаты и он не спорил с этим.

Из-за двери не доносилось ни звука.

Он развернулся и пошел в свой кабинет.

Через час, когда лакей подал обед, графиня не спустилась. Граф пообедал один, в пустой столовой, слушая, как тишину

раскалывает стук его собственной вилки о фарфор.

Когда он проходил мимо комнаты Агнет, дверь была заперта. Из-за двери – тишина.

Он не постучал. Он понимал, что сейчас это делать бессмысленно

-3-

Граф проснулся от того, что в спальне графини скрипнула кровать.

Стены в старом доме были тонкими – он слышал каждый вздох, каждый шелест простыни, каждый шаг. Он привык к этому за последний год. Привык просыпаться от тишины, которая была громче любого звука.

В комнате было темно, луна только начинала пробиваться сквозь тяжелые портьеры. Он лежал неподвижно и слушал. В соседней комнате было тихо – слишком тихо. Она ждала.

Граф не открывал глаз. Не поворачивал головы. Он знал, что сейчас произойдет. Она притворялась спящей, как притворялась каждую ночь. И он притворялся, что не замечает.

Потом кровать скрипнула снова. Ее босые ступни коснулись пола. Граф слышал каждое движение – сквозь тонкую стену, сквозь тишину, сквозь собственное тяжелое дыхание. Она стояла у своей кровати несколько секунд, потом двинулась к двери. Шаги были мягкими, почти бесшумными – шаги человека, который не хотел, чтобы его слышали. Дверь в коридор открылась. Скрипнула. Закрылась.

Граф открыл глаза.

В груди поднималось что-то тяжелое, знакомое – то, что он научился подавлять за последние месяцы. Он не должен был вставать. Не должен был идти за ней. Он знал, что увидит. Он знал, что не сможет это остановить.

Может быть, если я не буду мешать, она успокоится сама, – подумал он. – *Может быть, это пройдет.*

Он знал, что не пройдет.

Из коридора донеслись шаги.

Потом скрипнула дверь в комнату Агнет. Через несколько минут она скрипнула снова. Шаги прошли обратно – но теперь они были другими. Легче. Моложе. Это были шаги не его жены.

Они удалялись к лестнице, потом вниз, потом к выходу из дома.

Граф лежал неподвижно, пока тишина не сомкнулась над ним снова.

И когда он уже был готов уснуть, он вдруг увидел.

В дверях спальни, в полосе лунного света, мелькнуло что-то белое. Фигура – только силуэт, расплывчатый, полупрозрачный. Она стояла (или висела?) почти неподвижно, чуть колыхаясь в такт сквозняку. Фигура напоминала человека, но было в ней что-то.. не то. Не из этого мира.

Граф обмер. Он вжался в подушку и натянул одеяло выше, закрыв им глаза. Он не хотел этого видеть. Не только потому, что призрак был иррациональным, потусторонним и не укладывался в картину мира графа. Слуги что-то говорили

про призраков и это не было новостью. Больше всего пугало то, что призрак показался ему знакомым. Он уже видел эту фигуру, это белое одеяние. В глубине души он знал, чей это призрак, но не хотел вспоминать.

Фигура колыхнулась, будто устало опустила плечи, и исчезла.

Граф перевернулся на бок и закрыл глаза. Он не спал до утра и не сводил глаз с того места, где только что исчез непрошенный гость. Слушал, как дом дышит – скрипы, вздохи, шаги, которых не должно было быть.

-4-

Граф спустился к завтраку позже обычного. Он не спал почти всю ночь после появления призрака и чувствовал, как тяжесть разливается по телу – в плечах, в шее, за глазами. Слуги расставили тарелки, наполнили чашки, но он не приронул к еде. Он ждал.

Графиня появилась через полчаса.

Она вошла в столовую плавно, как ни в чем не бывало. На ней было утреннее платье из бледно-голубого шелка, волосы уложены в простую прическу. Она улыбнулась мужу – коротко, рассеянно – и села напротив.

– Ты рано, – сказала она.

– Я не спал.

– Опять кошмары?

Граф не ответил. Только подумал: *«Не кошмары – ты»*.

Он смотрел на жену и в который раз поймал себя на мыс-

ли, что не узнает ее. Не лицо – лицо было тем же. Но что-то в ней изменилось. Она двигалась иначе – легче, почти по-девичьи. Когда она поправляла волосы, жест был чужим. И голос – голос стал ниже, тише, чем он помнил.

«Она устала», – подумал граф. – «Дорога вымотала ее».

Но он знал, что дело не в дороге.

Он перевел взгляд на ее руки. На указательном пальце правой руки заметил тонкую царапину – свежую, еще не зажившую. Ветка? Шиповник? Он не хотел знать.

– Агнет сегодня завтракает в своей комнате, – сказала графиня, поправляя салфетку на коленях. – Она устала с дороги.

– Я хотел бы ее видеть.

– Позже.

– Я хочу видеть свою дочь, – сказал граф. В его голосе прозвучало что-то, чего он сам не ожидал. Жесткость. Почти вызов.

Графиня посмотрела на него тем самым взглядом – насмешливым, предупреждающим. Граф знал этот взгляд. Раньше он всегда отступал. Но сейчас он смотрел на ее лицо, на чужую пластику движений, на непривычный жест, которым она взяла вилку, и не отвел глаз.

– Хорошо, – сказала графиня после долгой паузы. – Я передам ей. Она спустится к обеду.

Граф кивнул.

Завтрак прошел в тишине, нарушаемой только позвяки-

ванием прибора графини да редкими звуками с улицы. Затем она поднялась из-за стола.

Граф смотрел, как жена выходит из столовой, и думал о том, что прошлой ночью он слышал шаги. Сначала тяжелые – когда она шла в комнату Агнет. Потом легкие – когда оттуда выходила сама Агнет.

Он остался один за столом.

Чай остыл. Еда стояла нетронутой.

Он сидел и смотрел на пустой стул напротив, где еще минуту назад сидела его жена. И думал о том, сколько еще ночей он сможет притворяться, что ничего не замечает.

-5-

После завтрака граф поднялся к себе в кабинет.

Бумаги на столе лежали нетронутыми. Счета и письма, которыми раньше занимался Смит. Он смотрел на них, но не видел. В голове всё еще звучал голос жены – спокойный, чужой, с новыми интонациями.

Он подошел к окну.

Сад был залит утренним светом. Деревья только начинали распускать почки, и сквозь голые ветви было видно всё – и старую скамью у пруда, и дорожку, усыпанную гравием, и фигуру в светлом платье, которая медленно шла по аллее.

Она была одна.

Граф узнал это платье. Жена носила его часто. Сейчас оно висело на ней мешком – она похудела. Или платье было чужим. Он не мог понять.

Она шла легко, почти не касаясь земли. Руки сложены за спиной, голова чуть наклонена. Она смотрела под ноги, на гравий, на опавшие ветки – куда угодно, только не в сторону дома.

Граф стоял у окна, отодвинув штору ровно настолько, чтобы его не было видно. Он смотрел на нее и думал о том, что когда-то, много лет назад, он точно так же наблюдал за ней в саду их поместья во Франции. Тогда она была другой. Смелась громко, бегала по дорожкам босиком, срывала цветы. Он любил смотреть на нее.

Сейчас он тоже смотрел. Но в груди была не любовь. Была тяжесть, которую он не мог вытолкнуть.

Она остановилась у скамьи, провела рукой по спинке – и пошла дальше, в тень старых лип. Через несколько секунд ее светлое платье мелькнуло в последний раз и исчезло за деревьями.

Граф стоял у окна еще долго. Смотрел на пустую скамью, на гравийную дорожку, на небо, которое стало серым – будто набежавшая туча закрыла солнце.

Он взял со стола чашку, которую держал в руках еще час назад, и сделал глоток. Чай давно остыл. На вкус он был горьковатым, слышались травы – ромашка, мелисса, что-то еще. Граф поморщился и поставил чашку на блюдце. Миссис Бейкер сегодня переборщила с заваркой.

В кабинете было тихо. Только часы на стене отсчитывали секунды.

К обеду графиня не спустилась. Вместо нее в столовую вошла Агнет.

Граф поднял голову и замер. Он не видел до с момента приезда.

Она была в простом сером платье с высоким воротником, светлые волосы зачесаны гладко и уложены в пучок на затылке – строже, чем он помнил. Она остановилась в дверях, как будто не решаясь войти, и посмотрела на отца. Ее лицо было бледным, почти прозрачным, под карими глазами легли тени.

– Папа, – сказала она тихо.

– Агнет.

Она прошла к столу и села напротив – на то самое место, где утром сидела графиня. Движения у нее были плавные, почти такие же, как у матери. Граф заметил это и тут же отогнал мысль. Он рассматривал ее изучающе.

– Ты хорошо доехала? – спросил он.

– Да. Я устала, но все хорошо.

– Ты вчера не выходила к ужину.

– Я была очень уставшей. Мама сказала, что я могу не спускаться.

Граф кивнул.

Агнет опустила глаза и начала резать мясо на тарелке. Граф заметил, как ее пальцы дрожат – совсем чуть-чуть.

– Ты дрожишь, – сказал он.

– Просто холодно. В доме сыро после зимы.

Граф хотел спросить еще о чем-то, но не знал, о чем. Между ними повисла тишина – тяжелая, неловкая. Раньше они разговаривали легко, без этих пауз. Раньше она смеялась за обедом, рассказывала о своих книгах, спорила с матерью. Сейчас она сидела молча, не поднимая глаз, и казалась чужой.

– Агнет, – сказал он. – Ты счастлива?

Она подняла взгляд. В ее глазах блеснуло что-то – он не понял, что именно. Боль? Удивление? Испуг?

– Да, папа, – сказала она. – Я счастлива.

Но голос был пустым. И граф это услышал.

Она доела быстро, извинилась и вышла из-за стола. Граф смотрел ей вслед и думал о том, что она двигалась так же, как сегодня утром графиня. Та же легкая походка. Те же чужие жесты.

Он остался один за столом.

-7-

Прошло две недели. Или три – граф перестал считать.

Каждое утро было одинаковым. Он спускался к завтраку, жена сидела напротив, они обменивались пустыми фразами, и он смотрел на ее руки, на лицо, на жесты – и каждый раз находил что-то новое, что не узнавал. Она двигалась иначе. Говорила иначе. Иногда ему казалось, что он сидит напротив совершенно незнакомой женщины. И при этом до боли знакомой.

По вечерам они ужинали вдвоем. Агнет не спускалась. Графиня говорила, что она устала или нездорова, и граф не спорил. Он заметил, что Агнет никогда не появлялась за столом в те дни, когда графиня была особенно спокойна. И наоборот. Возможно, это было просто совпадение.

Со стороны складывалось впечатление, что между матерью и дочерью не все гладко.

Но дело было не в этом. Он знал, в чем.

А по ночам все повторялось. Граф просыпался от тишины. Слышал, как жена встает, идет в комнату Агнет. Слышал, как дверь скрипит. Потом – шаги. Сначала тяжелые. Потом легкие. Потом – тишина до утра.

Он не вставал. Не следил. Не проверял.

Иногда он видел призрака. И уже не боялся – просто смотрел. Призрак что-то воскрешал в его памяти, что-то плохое, тяжелое, то, что граф не хотел вспоминать. И когда уже практически вспоминал, закрывал глаза и шептал: «Уходи». Призрак устало опускал плечи и растворялся.

Редкие ночи были другими. Иногда – раз в три-четыре дня, иногда – реже, графиня не вставала. Она лежала в своей спальне, дышала ровно, и граф лежал неподвижно, боясь пошевелиться, боясь спугнуть это хрупкое спокойствие. В такие ночи он позволял себе поверить, что всё кончилось. Что она очнулась. Что они смогут жить дальше.

Но на следующее утро она снова смотрела на него чужими глазами. И следующей ночью шаги повторялись.

Граф перестал спрашивать про Агнет. Он понял, что ответ не имеет значения.

Однажды после завтрака он позвал миссис Бейкер.

– Чем вы натираете полы? – спросил граф. – В коридоре странный запах. Это какие-то травы?

Миссис Бейкер растерялась.

– Милорд, мы используем тот же воск, что и всегда. Могу распорядиться проветрить.

– Распорядитесь. И скажите, чтобы сменили воск. Это невыносимо.

Экономка задержалась в дверях кабинета.

– Милорд, – сказала она, не поднимая глаз. – Простите за дерзость... но леди выходит по ночам.

Граф замер.

– Что Вы сказали?

– Мы слышим шаги. В коридоре. Потом дверь хлопает. Леди уходит в сад.

– Вы видели ее лицо?

– Нет, милорд. Темно. Но это была она. Кто же еще.

Она поклонилась и вышла.

Запах не исчез. Он приходил по ночам, когда граф лежал без сна, – резкий, чужой, не из этого дома. Граф ворочался, натягивал одеяло на лицо, но запах пробивался сквозь ткань. Ему казалось, что он слышал его еще в карете, по дороге в Англию. Тогда он списал на усталость.

Теперь он не знал, на что списать.

Он лежал в темноте, слушал шаги в коридоре – сначала тяжелые, потом легкие – и вдыхал этот запах, который не могли убрать никакие слуги.

Он думал о том, что Агнет уже несколько дней не выходит из своей комнаты. Или выходит, но он ее не видит.

О том, что делает по ночам жена.

О том, что уже две недели – или три, или больше – ничего не меняется. И что он ничего не делает.

Знал, что должен что-то сделать. Знал это каждую ночь. И не делал ничего.

-8-

Это случилось на третью неделю.

Граф лежал в темноте и слушал, как жена встает, идет в комнату Агнет. Слышал, как дверь скрипит. Потом – шаги. Сначала тяжелые. Потом легкие.

Потом – тишина.

Он лежал, сжимая край простыни, и чувствовал, как внутри поднимается что-то, чему он больше не мог сопротивляться. Гнев. Отчаяние. Он знал, что однажды должен будет что-то сделать, и вот теперь этот момент настал.

Он встал.

Оделся быстро, не зажигая свечи. Вышел в коридор. Прошел мимо комнаты Агнет – дверь была приоткрыта, внутри темно. Граф не заглянул. И так знал, что увидит там.

Внизу, у черного хода, он заметил следы на полу – влажные, приставшие к каменным плитам. Он вышел в сад. Лу-

на висела низко, заливая траву молочным светом. Вдалеке, у опушки леса, мелькнуло что-то светлое. Платье Агнет.

Граф пошел за ней.

Он держался на расстоянии, прятался за стволами деревьев, старался не шуметь. Она шла легко, почти не касаясь земли, и он думал о том, что в последний раз видел эту походку много лет назад.

Он отогнал эту мысль.

Она вышла на поляну. Там уже кто-то ждал. Молодой человек – граф не разглядел лица, только силуэт, высокий, стройный.

Граф спрятался за толстым дубом. Луна светила ярко, и он видел их обоих – ее светлое платье, его темный силуэт. Они стояли на поляне, почти вплотную друг к другу.

– Ты сегодня грустная, – сказал мужчина.

– Просто устала. Плохо сплю в этом доме.

Она отвернулась и сделала несколько шагов по траве. Он пошел за ней. Они двигались медленно, почти не глядя друг на друга.

– Твоя мать... она знает?

Агнет помолчала. Остановилась, подняла лицо к луне.

– Знает. С того момента, как ты написал мне первое письмо во Францию два года назад.

Мужчина улыбнулся. Он сорвал травинку и покрутил ее в пальцах.

– Я не мог не написать. Я же с детства в тебя влюблен. И

когда вы уехали, я очень страдал. И решил: как только мы вырастем, я разыщу тебя и женюсь. Найти адрес оказалось несложно, мне помог ваш управляющий.

Агнет улыбнулась и снова замолчала. Она наклонилась, сорвала полевой цветок, и вдела в петлицу его сюртука. Он поймал ее ладонь и задержал на мгновение.

– Мама одобряет, – сказала она наконец, глядя ему в глаза.
– Она сама меня отправила.

– А отец?

– Отец... – она запнулась. – Он еще не знает. Но я ему скажу. Скоро.

Она отняла руку и пошла вперед, к скамье у края поляны. Он сел рядом, нежно приобнял ее за плечи.

Граф сжал кулаки. Он знал, что она не скажет. Не потому, что боялась. А потому, что не могла.

– Я хочу поговорить с ним, – сказал жених. – Как честный человек. Попросить твоей руки.

– Не надо.

– Почему?

– Потому что он... – она снова запнулась. – Он не поймет. Дай мне время.

Жених взял ее за руку. Она не отнимала. Они сидели молча, глядя на луну.

– Агнет, я люблю тебя. Я готов ждать. Но я должен знать, что ты не передумаешь.

– Не передумаю.

Она подняла голову, и граф увидел ее лицо – освещенное луной, бледное, чужое. Она улыбнулась – той улыбкой, которую он не узнавал. Несколько недель назад он спросил ее, счастлива ли она и ответ был: «Да, счастлива», но тогда в ней не было счастья. А сейчас было во всем – в ее взгляде на жениха, движениях, в этой улыбке.

– Я выйду за тебя, Артур – сказала она. – Как только отец даст согласие.

Граф стиснул зубы. *«Отец не даст согласия»*, – подумал он. – *«Никогда»*.

Жених обнял ее. Она положила голову ему на плечо, и они замолчали. Тишина стояла такая, что граф слышал, как бьется его собственное сердце.

– Ты пахнешь травами, – сказал жених тихо.

– Это мамины духи. Она любит горькие запахи.

– Странные духи.

– Она странная женщина.

Они засмеялись – тихо, почти беззвучно. Граф смотрел на них, и внутри у него все кипело. Он хотел выйти из укрытия, крикнуть, разогнать их, запретить. Но не двинулся с места.

Он смотрел, как они говорят о чем-то, как она кладет голову ему на плечо, как он гладит ее по волосам. И каждый жест, каждый звук вонзался в него, как заноза.

«Она не твоя», – подумал граф.

Он смотрел на нее – на человека, которого знал уже много лет. На ее лицо, освещенное луной, на чужой смех, на легкую

походку, которой раньше не было. И не узнавал ее.

Или узнавал слишком хорошо.

Он развернулся и пошел обратно, потому что не мог больше наблюдать эту сцену. Шел быстро, не оглядываясь, ломая ветки, сбивая ногами росу. В поместье вернулся затемно. Поднялся в спальню. Лег на кровать, не раздеваясь.

Когда под утро она вернулась, граф лежал с закрытыми глазами и делал вид, что спит, хотя внутри него все кипело от злости.

Она скользнула в свою комнату тихо, как тень.

Граф не пошевелился.

Он лежал и притворялся, пока не рассвело.

-9-

Дни сменялись и были похожи один на другой.

По утрам – завтрак. По вечерам – ужин. Графиня была вежлива, спокойна, почти нежна. Она поправляла ему салфетку, наливала чай, спрашивала, хорошо ли он спал. Она была идеальной женой.

Слишком идеальной.

Граф замечал это каждое утро. Как она улыбается – чуть дольше, чем нужно. Как поправляет волосы – чужим жестом. Как смотрит на него – с каким-то новым, незнакомым выражением. Он не мог понять, что именно изменилось, но чувствовал это каждой клеткой.

«Она поняла, – думал он. – Она вернулась».

Но он не верил в это.

Потому что по ночам все повторялось.

Она вставала. Шла в комнату Агнет. Шаги – сначала тяжелые, потом легкие. Потом – тишина до утра.

Граф лежал и слушал. Он привык к этому ритму, как привыкают к боли, которая уже не уходит. Иногда ему казалось, что он спит с открытыми глазами. Иногда – что он давно умер и это чистилище.

Он не вставал. Не следил. Не проверял.

Он терпел.

Жених приезжал почти каждый вечер.

Граф видел его из окна своего кабинета. Молодой человек подъезжал верхом, останавливался у опушки, ждал. Через несколько минут из леса появлялась она – в светлом платье, с распущенными волосами, легкая, чужая.

Они гуляли по полю. Разговаривали. Смеялись. Это всегда происходило поздно – в ночи.

Граф смотрел на них и сжимал подлокотник кресла так, что ногти впились в дерево.

«Она не твоя», – думал он. И был прав.

Он мог бы что-то предпринять. Но решил пока ничего не делать и просто наблюдать. До того момента, пока не зайдет слишком далеко. А пока.. Пускай гуляет, радуется, смеется.

Однажды за ужином графиня отложила нож и вилку, промокнула губы салфеткой и посмотрела на мужа.

— Артур Стэнхоуп — из хорошей семьи, — сказала она. — Его отец владеет поместьем в пятнадцати милях отсюда.

Молодой человек образован, воспитан, у него есть состояние. Он сделал Агнет предложение еще в прошлом году, но она не дала ответа до нашего возвращения в Англию.

Граф молчал. Он знал всё это. Он слышал имя Артура Стэнхоупа от самой Агнет. Он видел их в лесу. Но он не перебивал. Ему было важно, что скажет жена — какие слова выберет, как будет смотреть на него, будет ли врать или говорить правду.

— Он бывает в наших краях уже несколько недель, — продолжала графиня. — Они гуляют, разговаривают. Я видела их из окна. Она улыбается, когда он рядом. По-настоящему.

Граф молчал.

— Я думаю, он подходящая партия. И Агнет... — графиня помолчала, — Агнет счастлива. Ты это видишь?

Граф поднял голову.

— Я вижу, — сказал он. — Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что она заслужила это счастье. После всего, что случилось.

Граф смотрел на ее лицо — спокойное, красивое, чужое.

— Ты должен поговорить с женихом, — продолжала графиня. — Как отец. Дай ему согласие.

Граф отложил вилку.

— Я подумаю, — уклончиво сказал он.

Она улыбнулась.

В ту ночь она не встала. Лежала в своей спальне, дышала

ровно, и граф уже поверил в лучшее

«Может быть, всё кончилось», – подумал он.

Но на следующее утро она снова смотрела на него чужими глазами. И следующей ночью шаги повторялись.

-10-

Это случилось накануне того дня, когда жених должен был приехать свататься.

Агнет пришла к нему в кабинет после обеда. Она была в простом сером платье и лицо ее казалось бледным, почти прозрачным в свете угасающего дня.

– Папа, – сказала она. – Я должна поговорить с тобой.

Граф поднял голову от бумаг. Сердце его сжалось. Он знал, что сейчас произойдет.

Агнет села в кресло. Она нервничала, это было видно по всему. Выдержав паузу, собравшись с мыслями, она начала.

– Ты, наверное, уже знаешь. Мама должна была тебе сказать. У меня есть жених. Артур Стэнхоуп, наш сосед. Я люблю его, – сказала она, опуская глаза. – Я хочу выйти за него замуж.

Граф молчал.

– Он будет здесь через три дня, – продолжала она. – С родителями. Чтобы просить моей руки. – Она подняла взгляд. – Я хочу, чтобы ты дал согласие.

Граф смотрел на нее. На ее лицо – испуганное, но счастливое. На ее руки – дрожащие, сцепленные перед собой. Он не видел ее такой уже очень давно. Такой живой. Такой на-

стоящей.

«Она счастлива», – подумал он. – «Впервые за год она счастлива».

Он знал, что это неправильно, но не мог отказать.

– Хорошо, – сказал он. – Я дам согласие.

Она улыбнулась – той улыбкой, которую он помнил. Радостной, светлой, почти детской. Она подбежала к нему, обняла, поцеловала в щеку.

– Спасибо, папа. Спасибо.

Граф обнял ее в ответ и закрыл глаза. Он чувствовал ее тепло, ее дыхание, ее дрожь. И знал, что это неправильно. Что это не должно было случиться.

Но он не мог иначе.

-11-

Агнет вышла, тихо притворив за собой дверь. Граф слышал, как её шаги удаляются по коридору – легкие, почти невесомые. Такие же, как у жены по ночам.

Он остался один.

Перед ним на столе лежали бумаги. Счета. Письма управляющего. Приглашения от соседей, на которые он не ответил. Он смотрел на них и не видел.

Он думал о том, что сказала ему Агнет. О том, что завтра жених будет здесь. О том, что он дал согласие.

«Что я наделал», – прошептал граф. – «Это нужно исправить».

Он зажег свечу и сел за письменный стол.

Перед ним лежал чистый лист бумаги. Перо было обмакнуто в чернила, но он не писал. Он сидел и смотрел на пустоту, и в голове его не было ни одной фразы, которую можно было бы отправить этому молодому человеку.

Артур Стэнхоуп.

Граф знал эту фамилию. Соседнее поместье, в пятнадцати милях отсюда. Когда-то, много лет назад, до отъезда во Францию, он встречал старого Стэнхоупа на охоте – плотного, краснолицего мужчину с громким голосом. У того были сыновья. Трое. Младшего, кажется, звали Артур. Или это был средний? Граф не мог вспомнить.

Он никогда не говорил с этим мальчиком. Не знал, какой у него характер, чему он обучен. Для него Артур Стэнхоуп оставался тенью – силуэтом в лесу, голосом, который называл Агнет по имени.

Граф взял перо и вывел:

«Милостивый государь...»

Остановился.

Что дальше? «Ваше присутствие в нашем доме нежелательно»? Это было бы ложью. Жених ничего не сделал. Он любил девушку и хотел на ней жениться. В этом не было преступления.

Граф скомкал лист и отбросил в сторону. Взял новый.

«Уважаемый мистер Стэнхоуп...»

И снова замер. Он не мог написать правду. Не мог объяснить, что Агнет не может выйти замуж, потому что... Потому

что что? Она больна? Она уехала? Она не хочет?

Каждая причина тянула за собой ложь. А ложь – новые вопросы.

Второй лист полетел вслед за первым.

Третий.

«Мистер Стэнхоуп, к сожалению, вынужден просить вас отложить визит...»

Граф посмотрел на эти слова. «Отложить» – значило не отменить. Значило оставить надежду. Значило продолжать этот фарс.

Он не хотел продолжать. Но и заканчивать – не мог.

Граф отложил перо, взял лист в руки и перечитал написанное. Потом аккуратно сложил его и положил в ящик стола.

«Завтра», – подумал он. – «Я допишу и отправлю его завтра».

Он потушил свечу и остался сидеть в темноте.

За окном было тихо. В доме – ни звука.

Граф сидел и слушал, как стучат часы в коридоре. Минута за минутой. Час за часом.

Он ждал до вечера. Много думал о том, что ему делать, как вести себя в сложившейся ситуации. И наконец решился на крайний шаг.

-12-

Графиня сидела на стуле, расчесывая волосы. На ней была ночная рубашка и длинный халат. В полумраке свечей она

выглядела старше.

Граф зашел к ней и закрыл дверь. Остался стоять у косяка.

– Нам нужно поговорить, – сказал он.

– О чем? – спросила она, не оборачиваясь.

– О сватовстве. Ты ведь в курсе?

Она отложила расческу, повернулась к нему.

– Да. Жених приедет с родителями. Мы все обсудим.

– Никто никуда не приедет, – сказал граф. – Я пошлю письмо.

Она посмотрела на него с недоумением, нахмурилась.

– Но почему?

– Потому что Агнет не может выйти замуж.

– Почему?

Граф открыл рот, чтобы ответить – и замер. Слова застряли в горле. Он смотрел на ее лицо – спокойное, доверчивое, живое – и не мог произнести то, что должен был. Она ждала. Он медлил. В горле пересохло, сердце стучало где-то в висках. Он мог бы развернуться и уйти. Сказать, что ошибся. Продолжить этот фарс. Еще один день. Еще одна ночь. Но через три дня приедет жених, и тогда будет поздно.

Граф медленно закрыл глаза и произнес на одном дыхании:

– Потому что Агнет мертва.

Часть в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.